
28.2.2020

**Отзыв о диссертации
Беглова Алексея Львовича
«Православный приход Российской империи на рубеже XIX–XX вв.:
состояние, дискуссии, реформы»,
представленной на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Диссертация А. Л. Беглова представляет собой экскурс в историю православного прихода в императорской России. Сосредоточившись на периоде конца XIX – начала XX веков—а именно, от Великих реформ до большевистской революции 1917 года, она открывается бесценной справочной главой по истории прихода с допетровских времен до царствования императора Александра II. Прослеживая постепенное институциональное подчинение прихода государственным интересам со второй половины XVII века и далее, в главе устанавливается значимость прихода как для церкви, так и для государства и предлагается основание для понимания последующих, часто конкурирующих притязаний на приходскую единицу со стороны различных центральных, региональных и местных гражданских и церковных групп интересов, включая «мирян». В этой главе в поле зрения читателя вводятся социальные, политические, экономические, а также религиозные факторы, которые подготовили почву для широкого интереса к приходу, возникшему более чем через два столетия, и придали остроту «приходскому вопросу» в критические 1900–1917 годы. Диссертация завершается обсуждением судьбы прихода после большевистской революции 1917 года и его неожиданного расцвета в виде добровольных низовых религиозных организаций, невольно узаконенных большевистским декретом 1918 года «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». В итоге эта работа представляет собой, насколько мне известно,

---

первое всестороннее исследование православного прихода как социального института в истории России от допетровских времен до советского периода. Ее значимость трудно переоценить. Она является образцовым примером современной исторической науки, поскольку ее ценность выходит за узкие рамки чисто академических научных интересов. Она также предлагает практическое руководство по изучению вопросов, тесно связанных с приходом как социально-религиозной единицей, и хронику сложной истории идей, касающихся его определения, функции и значения. Короче говоря, после того, как работа будет опубликована, она будет служить ценным ресурсом для современных церковных и государственных деятелей, политиков и тех, чье самоопределение связано с Православием.

Среди многочисленных достоинств диссертации — тщательное систематическое рассмотрение многочисленных и весьма разнообразных предложений и идей церковной и государственной реформы православного прихода, высказанных отдельными членами образованного общества — духовенством и мирянами — в течение десятилетий, предшествовавших большевистской революции 1917 года. Многие из этих предложений по реформе прихода и связанных с ними дискуссий были недавно извлечены из архивов именно диссертантом; ранее они систематически не анализировались в исторических исследованиях. Тот факт, что кажущийся безобидным местный общественный орган или единица — приход (основная функция которого, как кажется, была литургической) — привлек столь широкое внимание всего политического спектра и людей из всех социально-экономических слоев, вызывает много важнейших, но все еще мало исследованных исторических вопросов. Диссертация А. Л. Беглова и его многочисленные предыдущие публикации по смежным темам способствовали постановке этих вопросов, многие из которых остаются актуальными и сегодня.

До 1970-х и 80-х годов приходу в России уделялось мало внимания среди историков России в Европе, в Соединенных Штатах, и в Советском Союзе. В исследованиях Русской Православной Церкви основное внимание уделялось деятельности и решениям Святейшего Синода и обер-прокурора, а в более широком смысле — духовенству и монашеству. Приход как таковой оставался второстепенным объектом этих исследований, если вообще имел для них какое-либо значение. В США ключевое эссе Грегори Фриза 1985 года «Служанка государства: переоценка роли Церкви в императорской России» бросило вызов господствующему академическому взгляду на Православную Церковь в России как на умирающий институт, полностью подчиненный государству, не имеющий независимого голоса или влияния в российском обществе периода империи. Работа Фриза, наряду с дисциплинарным поворотом к культурологии на кафедрах истории в американских университетах, которые способствовали изучению простых людей как самостоятельных исторических субъектов, вдохновила поколение историков русского православия и его институциональной церкви. Результатом стало распространение исследований, посвященных истории «живого Православия», в которых рассматривалась история Православной Церкви в России с точки зрения рядовых мирян. Благодаря изучению местных архивов и внимательному чтению таких источников, как прошения мирян к епархиальным и синодальным чиновникам, эти исследования позволили пролить свет на жизненные реалии, которые формировали динамику приходской жизни в конце XIX — начале XX веков. Важно отметить, что эти исследования, сосредоточенные именно на «живом православии», отличались от позднесоветских и постсоветских этнографических историй таких авторов, как М. М. Громыко или А. А. Панченко, которые стремились идентифицировать «народное православие». Как справедливо отмечает А.Л. Беглов, истории, представленные в этих исследованиях, часто вырастали из фольклористики и зачастую не имели явной связи с «церковной жизнью» как таковой. Действительно, учитывая отсутствие ссылок на приход и явный «церковный» контекст, трудно, например, связать предметы исследований

«народного православия» с церковно-сознательными мирянами, которых диссертация А.Л. Беглова связывает с возрождением прихода в 1920-е годы.

Глубокое изучение А.Л. Бегловым «приходского вопроса» и того чрезвычайного внимания, которое этот вопрос привлек к себе среди церковных и государственных чиновников, а также в целом в российском обществе в предшествующие 1917 году десятилетия, снова переводит внимание ученых на институциональную церковь. Опираясь на кропотливые архивные изыскания, на всестороннее изучение опубликованных источников и вторичных работ, диссертация критически рассматривает ранее не использовавшиеся источники, касавшиеся «приходского вопроса». Результаты являются новаторскими в нескольких отношениях:

1) Диссертация представляет возникновение «приходского вопроса» между 1903 и 1916 годами и попытки его разрешения как неминуемое следствие Петровского упорядочения церковно-государственных отношений. Таким образом, диссертация — это нечто большее, чем «простая» институциональная история. Представляя полный спектр расходящихся мировоззрений, стоящих за дискуссиями по «приходскому вопросу», диссертация также представляет собой исследование истории идей. Таким образом, она способствует нашему пониманию все еще мало изученного влияния тупиковой ситуации в дискуссиях вокруг «приходского вопроса» как на краткосрочные, так и на долгосрочные судьбы русской Церкви, государства и общества в целом.

2) В диссертации подчеркивается важная, но часто недооцениваемая роль кризиса приходской экономики и утилитарного контроля над ней со стороны имперского режима (который проявился, например, в реформе 1808 года) в подготовке условий для революционного переворота, потрясшего Россию в 1917–1918 годах. Включение в приложение к

диссертации вспомогательных статистических данных является полезным ресурсом в этом отношении.

3) В диссертации анализируются не только малоизвестные и часто конкурирующие между собой предложения о реформе приходов, написанные академически подготовленными православными мыслителями-мирянами, священниками и епископами в период с 1906 по 1917 год, но и предложения депутатов Государственной думы (из которых далеко не все осознавали себя православными христианами), земских деятелей и связанные с ними дискуссии различных государственных министерств. Это впечатляющее представление глубины и широты охвата вопросов, касающихся судьбы прихода как института и общины, а также часто заключающихся в нюансах, но жизненно важных различий между разными реформаторскими предложениями — даже среди тех, кто предположительно принадлежал к одной и той же политической или социальной «группе интересов» — показывает, что процесс отделения Церкви от государства, которого многие православные и неправославные граждане России давно ожидали и желали, не мог быть легким.

4) В диссертации подчеркивается, что дискурс вокруг «приходского вопроса» часто развивался на нескольких уровнях одновременно, и, следовательно, «приход» был текучим понятием. Действительно, уже в 1906 году, когда членам Предсоборного присутствия было предложено сначала определить идею прихода, прежде чем приступать к практическим реформам, один епископ признал, что эта задача не может быть выполнена. Спектр мнений и определений был настолько разнообразен — даже среди сорока девяти участников присутствия, большинство из которых представляли подготовленных российскими духовными академиями «церковную интеллигенцию», — что консенсус был недостижим. Как драматически показывает исследование А.Л. Беглова, когда в дебаты вступали государственные министры,

---

выборные думские депутаты и члены образованного общества, семантические поля, в которых происходило обсуждение прихода, множились. В диссертации старательно делается попытка выявить наиболее заметные расхождения в отношении приходских реформ. Наиболее принципиальное разделение, по мнению А.Л. Беглова, было между теми, кто рассматривал приход прежде всего как административную единицу местного сельского и муниципального управления, с одной стороны, и теми, кто рассматривал приход прежде всего как религиозную единицу со своими внутренними потребностями, функциями и организационной структурой, которая была неотъемлемой частью Церкви, с другой стороны. В свою очередь, каждая из этих двух групп была внутренне разделена, но часто по сходным линиям, а именно — по той роли, которая отводилась «прихожанам» или «мирянам» в управлении и упорядочении приходской жизни.

5) На основе сопоставления думских предложений, предложений Святейшего Синода о приходских реформах и дискуссий вокруг них Беглов подчеркивает парадоксы и часто неожиданные союзы, которые выявил «приходской вопрос»: думские представители (в том числе приходские священники и епископы) поддержали приходские реформы, делегировавшие значительные права мирянам управлять приходскими делами; синодальные чиновники, выступавшие за осторожный подход к реформе, пошли в сторону ограничения участия мирян в приходских делах и управления ими; такие государственные деятели, как обер-прокурор Святейшего Синода и министр внутренних дел, вступали в споры о том, что же такое «подлинно каноническая приходская община» (стр. 765–767), а религиозный мыслитель, находившийся в молодости под влиянием идей Л.Н. Толстого (М. А. Новоселов), проявлял гораздо более «модернистскую» чувствительность к выгодам и реалиям отделения Церкви от государства, чем его земские коллеги, рассматривавшие приход как территориальную единицу.

б) В диссертации представлены малоизвестные эпизоды истории приходского вопроса, весьма показательные для целого ряда проблем, которые могли бы возникнуть в связи с любыми значительными приходскими реформами. Особенно показательно рассмотрение попытки епископа Орловского Серафима (Чичагова) осуществить временные меры по развитию приходской жизни, предложенные Синодом в ноябре 1905 года. Действия Чичагова иллюстрировали, что для осуществления приходских реформ будет требоваться постоянная приверженность и усилия епархиальных архиереев. Им были сделаны бесценные наблюдения относительно сложной динамики, существующей между конкурирующими группами интересов на местном уровне в отношении приходских реформ. Речь шла о «революционных элементах», об авторитетных фигурах в местных крестьянских общинах, которые не хотели, чтобы их властные позиции оспаривались конкурирующими выборными членами приходского совета, и о церковных старостах, которые чувствовали, что их позиции под угрозой любого нарушения статус-кво.

Наконец, сильные стороны и долгосрочная ценность диссертации заключаются не только в ее амбициозном объеме, детальном анализе и богатой источниковой базе, но и в вопросах, которые она поднимает. Будучи вдохновлена этими вопросами во время пристального чтения работы, я хотела бы высказать некоторые соображения, которые автор, возможно, пожелает учесть при доработке диссертации для публикации.

1) Первое из них касается идентичности первичных субъектов «приходского вопроса» — мирян. Хотя они занимают видное место в «приходском вопросе» и, следовательно, имплицитно также занимают видное место в диссертации, автор мог бы более пристально рассмотреть те проблемы, которые возникали вследствие неразборчивого использования терминов «миряне» и «прихожане» в 1903–1918 годах. Как

известно, исходя из давно принятой предпосылки, что «каждый народ имеет свою собственную “природную веру”», имперский режим определял своих подданных в первую очередь в конфессиональных, а не этнических или национальных терминах¹. Следовательно, как уже утверждали исследователи «живого Православия» в России, правовое приобщение «русского народа» к православию с рождения делало практически невозможным различие самоидентифицирующихся, приверженных Православию верующих, неправославных верующих, неконфессиональных верующих, агностиков, атеистов и индифферентных. Юридически все эти люди считались православными «мирянами» и, технически, могли претендовать на то, чтобы быть «прихожанами». Каковы были потенциальные последствия этой юридически обоснованной терминологической трясины? В какой степени наблюдение одного мирянина, сделанное в 1917 году, что считать прихожанами всех тех, кто был крещен и кто жил в определенном районе вокруг церкви, было бы «досадной нелепостью», могло бы способствовать более взвешенному анализу последствий различных предложений о реформе прихода в период политических и социальных потрясений? Как представления о «мирянах» или «прихожанах» влияли на взгляды на «приходской вопрос» тех людей, которые обсуждали его в столицах? Проводили ли они различие между убежденными, самоопределяющимися православными верующими и номинально приписываемыми государством православными русскими, чья идентичность не обязательно была связана с православной церковью или с православием как верой? Этот вопрос приобретает еще большую актуальность по мере усиления революционного насилия — и тогда, когда такие термины, как «либерал» и «консерватор», вполне могут приобретать различное значение. В связи с этим, учитывая неопределенность исторического контекста, в котором проходил Собор 1917–1918 годов, Поль Вальер метко отметил изменение

---

¹ Werth, P. (2014), *The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia*. Oxford: Oxford University Press, 45.

отношения между Предсоборным присутствием и решениями Собора 1917–1918 годов².

2) Второй, связанный с предыдущим вопрос касается некритического применения терминов «приходская революция» или «церковная революция» для описания всех случаев церковно-приходских восстаний или волнений весной и летом 1917 года, будь то в форме присвоения церковного имущества, отказа платить приходским священникам или изгнания священнослужителей из прихода. В диссертации не обойдены вниманием проблемы, связанные с неразборчивым использованием терминов «миряне» и «прихожане». Это относится к потенциальным дилеммам которые отмечались в нескольких разделах диссертации. Соответствующие примеры можно найти в обсуждении взаимоотношений крестьянской общины и сельского прихода (стр. 142–154), в обсуждении «эксперимента» Орловского епископа Серафима (Чичагова) (стр. 394–399), в ответах епархиальных архиереев на вопросы о церковной реформе в 1905–1906 гг. (стр. 452–455), в рассмотрении взглядов М. А. Новоселова на церковно-приходскую реформу (стр. 620–623) и др.

Тем не менее, в 4-й главе диссертации, посвященной событиям 1917 года, автор, по-видимому, заключает это важнейшее соображение в скобки, тем самым оставляя открытым вопрос о том, кто именно были «прихожане» и «миряне», которые участвовали в так называемой «приходской революции» или «церковной революции» весной и летом 1917 года. Например, возникали ли приходские конфликты в результате дискуссий и решений, принятых на сельских сходах (где преданные верующие, возможно, даже не присутствовали), или они были результатом дискуссий на приходском собрании явно преданных верующих, которые видели в своих действиях не революционный захват власти, а подтверждение своей

---

² Valliere, P. (1978), 'The Idea of a Council in Russian Orthodoxy', in R. Nichols and T. Stavrou, eds., *Russian Orthodoxy Under the Old Regime*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 183-201.

давно отстаиваемой «законной» роли членов органа приходского управления? Между этими двумя сценариями существует существенная и качественная разница. Точно так же остается открытым вопрос, были ли изгнаны из своих приходов священники, пользующиеся уважением местного сообщества, или те, кто имел историю морально сомнительного поведения? Опять же, между этими ситуациями существует существенная и качественная разница.

Доказательства, приводимые в главе 4 в поддержку утверждения о «вторжении революционной стихии *внутри* церкви», не всегда подтверждают предположение о том, что убежденные верующие обязательно провоцировали восстания или беспорядки или даже участвовали в них. Например, на стр. 881–883 автор риторически задает вопрос, «чем руководствовались прихожане, оказывая жесткое давление на своих пастырей»? Однако в описанном им ранее инциденте из Воронежской епархии не упоминаются «прихожане» как зачинщики действий, предпринятых против духовенства. Согласно цитируемому автором источнику, решения принимали «члены Успенского сельского Исполнительного Комитета», которые, как утверждает священник, «щедрою рукою рассеивают в приходе “между пасомыми и духовенством” разделение» (стр. 881). Более того, в диссертации говорится, что духовенство утверждало, что «прихожане демонстрируют свои “власть и господство”»; на самом деле, согласно цитате, духовенство заявляло, что «члены Успенского сельского Исполнительного Комитета» почувствовали «в своих руках власть и господство». Таким образом, критические вопросы, возникающие в связи с этим инцидентом, включают в себя: а) можно ли считать «членов Успенского сельского Исполнительного Комитета» «прихожанами» (определяемыми как убежденные верующие и тождественные тем, кто образовывал добровольные приходские организации в 1920-е годы); и б) можно ли использовать понятие «приходская революция» без дифференциации и

без оговорок для описания всех случаев беспорядков 1917 года? Хотя на первый взгляд этот вопрос кажется незначительным, он тем не менее является существенным при оценке событий 1917–1918 годов и реакции на них епископов. Например, если это действительно были враждебные действия «посторонних» по отношению к приходской общине, то было ли последовавшее за тем определение Синода от мая 1917 года «О привлечении духовенства и паствы к активному участию в церковном управлении» попыткой «ввести в канонические рамки приходскую революцию»? Или же оно отражало другие типы соображения, порожденные надвигающейся кровавой гражданской войной? Динамика среди населения в каждом отдельном случае на местном уровне имеет непосредственное отношение к пониманию всех последствий «приходского вопроса» и, следовательно, заслуживает такого же пристального внимания и проблематизации, как и сложные дебаты, ведущиеся среди церковных и государственных чиновников и среди образованной элиты.

Как показывает этот пример, диссертация заслуживает похвалы за то, что она бросает вызов своим читателям, поднимая важные вопросы, касающиеся все еще весьма спорного периода в истории России.

3) Неоценимый вклад диссертации в эту область знаний заключается, в частности, в ее изложении и глубоком анализе широких взглядов на «приходской вопрос» в критические 1903–1916 годы. Разные предложения и дискуссии по этому вопросу выявили различия в определении и концептуализации таких ключевых понятий, как «церковь», «приход» и «прихожанин», и подразумевали очень разные и конкурирующие понятия религиозной и гражданской принадлежности. При подготовке будущей книги автор мог бы рассмотреть концептуальную организацию и представление этих различных взглядов в диаграмме в приложении. Такая схема помогла бы читателям оценить важность часто весьма тонких

различий между этими взглядами в отношении более широких политических, социальных и религиозных вопросов, о которых идет речь.

В итоге диссертация А. Л. Беглова не только оправдывает все ожидания по присуждению ученой степени доктора исторических наук, но и превосходит их. Глубина исследования, проведенного в диссертации, является образцовой, ее последовательное повествование и оригинальный анализ — заслуживающими похвалы, а ее выводы — далеко идущими. Учитывая, что и более ранние его работы внесли вклад в углубление наших представлений о низовой религиозной жизни предреволюционной России и имели безусловную ценность для этой области знаний, я призываю автора в конечном итоге добиваться публикации книги в английском переводе.

Вера Шевцова (Vera Shevzov)

Professor, Department of Religion
Program in Russian, East European, and Eurasian Studies

+1 413-585-3686
vshevzov@smith.edu